

Коко Шанель, де Голль и Пикассо самые известные личности Франции XX века >> СТР. 11

ФАКУЛЬТАТИВ

Сталинизм без Сталина

Давид Самойлов: «Мы не были потерянным поколением»

НГ Exlibris (прил. к Независимой) — 2006. — 15 июня. — с. 9

Геннадий Евграфов

Когда речь заходит о Давиде Самойлове, в памяти сразу возникают «Сороковые роковые» — знак причастности личной судьбы к судьбе общенародной.

Мне посчастливилось близко знать Самойлова многие годы. Иногда под диктофон мы беседовали о войне, о поколении «державных мальчиков» 1941 года, к которому принадлежал поэт.

— Расскажите о поколении, к которому вы принадлежите, о тех, как вы писали, «что в сорок первом шли в солдаты и в гуманисты в сорок пятом».

— Как-то Сергей Наровчатов сказал, что поколение, пришедшее в литературу с войной, не имело поэтического гения, но в целом было гени-

Института философии, литературы, истории, института, внесшего вклад в науку, литературу и искусство и давшего стране большое количество самоотверженных воинов. Но там, где говорится об ифлийцах, рисуется собирательный образ с каким-то подспудным намеком, с подспудным отрицанием. Ифлийцы — это дети «состоятельных» слоев общества, жившие якобы в некоем отделении от народа, в основном снобы и пижоны. В их число, кстати, включены и те, кто ифлийцами не был. Из тех перечислений, которые я встречал, ифлийцами, собственно, являются Павел Коган и я. Ни Луконин, ни Кульчицкий, ни Слуцкий, ни Глазков ифлийцами не были. Но в институте учились Твардовский, Симонов, Наровчатов — поэты, роль которых в военной поэзии мало кто отрицает.

В 1937-м мы считали, что сейчас не до споров. Разберемся после войны

альным. Я не настаиваю на столь высоком определении. Скажу иначе. Оно было поколением честным, самоотверженным. Есть такое мнение, что лучших из него выбило, остались только худшие, представлявшие потом в течение нескольких десятилетий поколение военных поэтов в литературе. Тот, кто сказал, что выбило лучших, просто на войне не был. Пуля не выбирает. Пуля убивает. И лучших, и худших. Тех, в кого она попадает. Существует и другое разделение нашего поколения — на горожан и на представителей деревни, дескать, горожане не могли понять народ так глубоко, как выходцы из деревни, мол, горожане были в плену литературных и других абстракций. Мы все были обыкновенными школьниками, и не только из Москвы. Кульчицкий и Слуцкий, например, из Харькова, Луконин — из Сталинграда, Глазков родился в городе Лыскове Горьковской области. Но что правда, то правда — большинство из нас действительно были горожане, хотя, конечно, не все. Погибший еще на финской войне Миша Молочко, наш друг и критик, первый критик нашего поколения, был родом из деревни.

Но и это не все. Из горожан еще с ироническим оттенком выделяют «ифлийцев». Ифлийцы — студенты

— На каких идеалах воспитывалось ваше поколение, какие цели оно ставило перед собой?

— Наше детство проходило под знаком готовящейся всемирной революции. Нас действительно воспитывали на каких-то абстрактных идеалах. Мы были поколением ортодоксальной идеологии, которую преподносили нам школа, пионерская и комсомольская организации да и вся окружающая действительность. Верили в нашу страну, в партию, в Сталина. Были уверены в правоте вождя, в правильности его политики и только после войны стали осознавать все, что действительно происходило при коллективизации, хотя и не пережили ее так прямо, как жители деревни. Мы, однако, пережили 37-й. Он стал серьезным испытанием для нашего поколения, испытанием нашей веры. Мы понимали его жестокость и несправедливость. Но в те предвоенные годы считали, что сейчас не до спора, что разберемся после войны. И в какой-то мере мы 37-й год приняли. Первым врагом мы рассматривали фашизм, готовились сокрушить его. У нас не было ощущения потерянного поколения. Того ощущения, которое выразили в своих произведениях о Первой мировой Ремарк или Хемингуэй. Мы себя ощущали участниками справедливой войны.

Времена настали жестокие.

— Победители вернулись из Европы, очевидно, ожидая, что многое должно перемениться. Но вскоре после войны начался разгром генетики, террор Жданова, сопровождавшийся травлей Зощенко и Ахматовой, был сфабрикован процесс по делу врачей...

— Мы полагали, что все социальные, политические и нравственные проблемы будут непременно решены после войны. Так думали не только те, кто «ушел на фронт, не долюбив, не докурив последней папиросы», но и старшие. Так писал в своих очерках Алексей Толстой, так

писал в своей прозе Пастернак, но наши надежды Сталин грубо пресекал. На первый план выдвинулись непонятные и неясные нам грозные идеологические постановления, вопросы языкознания и борьба с космополитизмом. Времена настали жестокие, грубые. Помню, вскоре после войны устроили вечер, в котором участвовала Ахматова. Весь зал поднялся, чтобы ее приветствовать. Когда об этом донесли Сталину, он спросил: «Кто организовал вставание?» Он не любил людей, у которых была самостоятельная слава. Но несмотря на то что — ни на мнимые успехи, ни

на пропагандируемое величие Сталина, ни на страх и привычку повиноваться, нарастало горькое разочарование в сталинизме. Иначе не произошел бы такой быстрый поворот в пору XX съезда вскоре после смерти вождя и учителя всех времен и народов.

— Уроки прошлого мало чему учат. Опять слышны претензии на монопольное владение истиной. Опять в ходу передергивание фактов, навешивание ярлыков, а кое-где слышатся и призывы к расправе над инакомыслящими.

— Сталинизм гораздо глубже сидит в нашем обществе, чем ка-

жется. Нетерпимость к чужому мнению, старание скомпрометировать противника, а не спорить, неблагодарность вместе с подозрительностью и попытками найти в чужом мнении злой умысел — все это и есть практический сталинизм без Сталина. А за этим следует ничем не прикрытое требование расправиться с идеологическим противником — идея расправы. Причем иногда те, что особенно ярко призывают к расправе и компрометации оппонентов, на словах являются первыми ниспровергателями Сталина и сталинизма.

291

Ярнефельт Ээро. Подневольный труд